

Ю.В. ЛИМОРЕНКО

ВИДЫ КОММЕНТАРИЯ К ПЕРЕВОДУ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА*

Ни одно двуязычное издание фольклорных произведений не может обойтись без комментариев к переводу. Необходимость их объясняется тем, что перевод (особенно фольклорного произведения) «преследует цель перевести в иноязычную среду»¹ произведение, принадлежащее иной культуре, связанное с оригинальной традицией и обладающее особой, неизвестной иноязычному читателю художественной системой. Перевод выполняет две важнейших задачи: познакомить читателя с издаваемым произведением как с памятником народно-поэтического творчества, делая его понятным и легко читаемым, и дать по возможности неискаженное представление об оригинальном тексте – о его языке, композиции, выразительных особенностях. В этом помогают комментарии к переводу. Вот что пишет о комментировании издаваемого текста Д.С. Лихачев: «Комментарии разного типа крайне желательны при издании древних текстов ввиду их сложности, и с точки зрения языковой, и с точки зрения текстологической, историко-литературной, исторического, географического или какого-либо другого реального своего содержания»². На важность комментирования перевода указывают и другие исследователи, работающие над изданием древних текстов, например В.И. Кальянов, переводчик книг «Махабхараты»: «Необходимо также было дать и свои комментарии к переводу... Эти комментарии служат выяснению различных вопросов и понятий: религиозно-мифологических, философских, географических, историко-филологических, политических, военных, социально-экономических и других, а также содержат сведения о персонажах, ... о предметах и терминах»³. Особое значение научному комментарию фольклорного текста придает В.М. Гацак; по его словам, комментарий – «действенное средство углубления в поэтический мир народных традиций»⁴.

Характеризуя качественный научный комментарий, Д.С. Лихачев указывает на три основных его критерия. Первый из них – это лаконизм⁵; второй – исследовательский характер комментария: комментарий – сам по себе маленькая по объему (но не по значению) научная работа⁶. Третье требование к хорошему комментарию – верный выбор комментируемых мест; то, что читатель легко может понять или

самостоятельно узнать из общедоступной справочной литературы, не должно включаться в комментарий; с другой стороны, необходимо указывать в комментариях «темные места», оставшиеся непонятными самому исследователю, отмечая, что данное место не удалось объяснить⁷.

Рассмотрим основные задачи, которые призван выполнять научный комментарий к переводу.

Во-первых, он должен пояснять различные реалии, детали быта, обычая, мифологические и религиозные представления⁸, «подробности быта и нравов, удивляющие нас своей непохожестью»⁹. Во-вторых, комментарий должен представить «культурный контекст памятника»¹⁰, показать его связь с другими произведениями поэтического творчества данного народа или аналогии с фольклорными памятниками других народов. Еще одна задача комментария – обоснование перевода, «когда принятые переводчиком решения не очевидны, не единственно возможные и требуется привести доводы, почему предпочтен такой перевод...»¹¹; «... возможности других прочтений оговариваются в примечаниях»¹². Далее, комментарий служит пояснению смысла образности, иносказательности¹³, объясняет «традиционные приемы художественного воздействия, к которым прибегает древний поэт, и... где возможно, скрытый поэтический подтекст отдельных слов и выражений»¹⁴. Немаловажной функцией комментария является «разъяснение мест, буквальный смысл которых может остаться непонятным современному читателю»¹⁵, а также пояснение допущенных в переводе вынужденных отступлений от оригинала (с помощью буквального перевода)¹⁶; эту функцию В.М. Гацак называет «добиранием специфики». Наконец, еще одна задача комментария – характеристика жанрового своеобразия текста¹⁷, его места в жанровой системе фольклора данного народа, вкрапления в основной текст памятника текстов иной жанровой природы (пословицы, благопожелания и проклятия в эпосе, включение обрядового текста в мифологический рассказ, заклинание или песенная вставка в сказке и т.п.).

С учетом вышеназванных задач, выполняемых комментарием к переводу, мы попытались выделить четыре типа комментария в зависимости от рассматриваемых аспектов текста перевода. Так, первый тип комментария – **историко-этнографический** – касается «этнобытовых реалий и специфических деталей»¹⁸ жизни народа, упомянутых в тексте, описания обрядов, словесным компонентом которых явля-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущей научной школы № НИИ-2289.2003.6 и интеграционного проекта № 81 «Арханка тунгусского фольклора».

ются публикуемые тексты, исторических событий, историко-географических справок о местах обитания и межэтнических контактах данного народа, элементов мировоззрения (в том числе различных верований и мифологических представлений)¹⁹.

Приведем несколько примеров. В первом из них комментарий к тексту эвенкийского сказания поясняет особенности мифологических верований и представлений:

313–316 – *«Да, в самом деле мы родились На Средней земле-матери, Смешавшись с ее водами и деревьями, С ее сочными травами»*. – Согласно воззрениям некоторых групп эвенков (например, верхнезейских и чумиканских на востоке, сымских на западе), человек произошел от дерева. Сходные представления проявлялись, по-видимому, в обычае захоронения умерших в дупле. Сюда же следует отнести поверье, согласно которому души эвенков-шаманов находились в дереве: когда шаман умирал, дерево с его душой должно было упасть [Эвенкийские героические сказания. – С. 374]²⁰.

Подобного комментария требует и текст шорского сказания:

168–169 – *Со дна золотого моря / Густая шуга пошла (Алтын талай иштиннең / Кышпақ нег нигилди)* – согласно шорской мифологии, представление о могучей злой силе связывается с водой. Враждебные людям мифические существа Чельбегей, Шмелдей находятся в Нижнем мире и появляются из-под воды [Шорские героические сказания. – С. 444]²¹.

В следующем примере объясняется бытовая деталь, присущая традиционному быту эвенков-охотников:

170 – *...Смазка подошвы этого богатыря*. – Эвенки-охотники смазывали подошву обуви жиром, чтобы она меньше промокала и дольше служила. Смазанные жиром подошвы становились более гибкими, это необходимо для того, чтобы на охоте можно было без шума подкрадываться к зверю²².

Статья из комментариев к ненецкой эпической песне посвящена отражению в фольклоре черты, восходящей, возможно, к архаической эпохе:

29 – *Она – хозяйка (Харта Не-Ерв)* – в ненецком фольклоре образ сильной женщины-воительницы, которая является главой семьи, встречается довольно часто. Возможно, это пережиток идеологии матриархата, но, может быть, и отражение реальной жизни. Старшая сестра, которая помогает матери растить старших братьев, приобретает черты независимого, волевого характера²³.

Развернутый комментарий к бурятскому героическому эпосу касается контактов бурятского этноса:

259 – *...Ямщиков четыреста тысяч... (...Душин түмэн үртөө...)* – общемонгольское слово *уртон* (бур. *үртөө*; монг. *өртөө*; калм. *өртн*) в значении «ямская станция», «перегонная почтовая связь», со-

хранившееся со времен организации регулярной ямской и почтовой службы в средневековом монгольском государстве, в данном эпическом контексте выступает как «ямщик», что можно считать поздним переосмыслением, возникшим не ранее XVIII–XIX вв. Якутский тракт, проложенный через Кудинское и Верхоленское инородческие ведомства Иркутской губернии, был одной из самых оживленных магистралей, связывавшей центр Сибири, г. Иркутск, со всей северо-восточной окраиной Русской империи. Буряты Кудинской долины и верхоленских улусов были приобщены к несению ямской и почтовой службы на этой государственной дорожной линии, имевшей важное экономическое и политическое значение как в целом для огромной страны, так и для судеб народов, населявших этот край... [Бурятский героический эпос. – С. 288]²⁴.

Второй тип комментария – **филологический** – включает в себя обоснование перевода, объяснение вынужденных отступлений от оригинала или толкование мест в тексте перевода, которые переданы буквально; также он может содержать пояснения переводчика к выбору тех или иных языковых средств (например, стилистически маркированной лексики, своеобразного синтаксиса и т.д.) в зависимости от языковой специфики оригинала. Еще одна его функция – объяснение логических связей, неявно выраженных или просто опущенных в тексте, но необходимых для его понимания иноязычным читателем. Объектом филологического комментария могут быть и отдельные слова и выражения оригинального текста, не нуждающиеся в переводе как таковом, например, если сказитель употребил слово, заимствованное из русского языка. Особым разделом филологического комментария является словарь непереведенных слов и выражений, где дается толкование их значения.

Вот пример филологического комментария, объясняющего использование сказителем-эвенком русского заимствованного слова:

626 – *Атаман Нижнего мира*. – Для обозначения представителей «иерархической верхушки» Нижнего мира сказитель здесь и далее нередко использует заимствованное из русского языка слово «атаман» [Эвенкийские героические сказания. – С. 375].

Приведем еще один сходный пример – из комментариев к бурятскому эпосу:

730 – *...В свои пятнадцать чуланов... (Арбан табан шулаандаа...)* – рус. «чулан», как и ряд других слов, вошло в лексический состав улигеров. В данном случае сама реалья не имеет эквивалента в бурятском традиционном быту [Бурятский героический эпос. – С. 292].

Два примера, данные ниже, иллюстрируют, каким образом может разъясняться неявно выра-

женная логическая связь между словами и действиями героя:

1061 – *Теперь ты превратишься в кусочки железа...* – под ударами Дэвэлчэна его железный противник дробится на куски [Эвенкийские героические сказания. – С. 381].

3149–3150 – *Зовут меня Аламжи Мэргэн молодой! (Аламжи Мэргэн хүбүүн гэшии Нэрэ солом байнал-даа!)* – приняв облик Аламжи Мэргэна, Агуй Гохон выступает от имени брата [Бурятский героический эпос. – С. 299].

В следующем примере смысл употребленного в сказке идиоматического выражения, переведенного с отступлением от оригинала, поясняется с помощью дословного перевода этого выражения:

– ... *не даешь плодам созреть (... агаи-таишты өскүрбий...)* – букв. «не даешь дереву-камню вырасти» (Алтайские народные сказки. – С. 395).

Приведем еще два примера обоснования перевода. Из алтайской сказки:

– *Поймаю, достанется тебе (Тутсам ла, үлүүн ди берерим)* – букв. «Поймаю, дам твою долю») – в тексте переведено по смыслу [Алтайские народные сказки. – С. 401].

И из ненецкой эпической песни:

34 – *Тайная Великая Смерть... (Хэбидя На'я...)* – такой перевод был сделан Л.М. Щербаковой, хотя он в значительной мере условен. Слово *хэбидя* можно перевести как «священный», «запретный». О слове *На* говорилось в коммент. к блоку 29, это дух подземного мира, смерть. Суффикс -'я – увеличительный [Фольклор ненцев. – С. 428].

Третий тип – **фольклористический** – касается таких аспектов перевода, как объяснение специфической образности, толкование иносказаний и идиоматических выражений, а также раскрытие для читателя, не владеющего языком оригинала, особенностей художественной системы памятника, его поэтики, т.е. тех изобразительных и выразительных средств оригинала, которые не могут быть отражены в переводе или передаются лишь частично.

В нижеследующем примере говорится об одной из особенностей композиционной организации эпического текста – вставке-связке:

5 – *После этого... (10 – Тар амардукин...)* – конструкция, используемая сказителем в качестве связи между отдельными эпизодами повествования [Эвенкийские героические сказания. – С. 372].

Еще один пример показывает, как в комментариях толкуются изобразительные средства фольклорного языка:

20.26 – *Позвоночники у них – из чистой стали, и ребра их из чистой стали* (сын молот ортқалыг, сын молот қавырғалыг) – метафора. В шорском эпосе сталь является мерой крепости, прочности предмета, вещи, в данном примере – силы и крепости

богатырей [Шорские героические сказания. – С. 441].

Приведем еще пример того, как объясняется выбор сказителем языковых средств для описания героя и как толкуется это традиционное фольклорное описание:

2172 – *Вспыльчивая кровь выплеснулась из колен (Бәрдәк сәксән бәлгәлән бәлқивран).* – Выбор формы *бәлқивран* «выплеснулась» определяется стремлением к аллитерации (б-б-б), а также к гиперболизации в описании гнева богатыря [Эвенкийские героические сказания. – С. 379].

Вот несколько примеров комментария к традиционной поэтической формуле:

– *Круглое сердечко его забилось, мелкие кости его задрожали (Болчок жүрегі созулып, болоно сөбгі тырлажып)* – устойчивая поэтическая формула, выражающая очень сильный испуг, потрясение персонажа [Алтайские народные сказки. – С. 396].

560–561 – *В сказке ничто не задерживается, Все быстро делается* – ремарка сказителя, смысл которой состоит, по существу, в напоминании о неадекватности эпического времени реальному (ср. в русском фольклоре: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается») [Эвенкийские героические сказания. – С. 375].

1031–1032 – *Сказать, что гора – перевала нет, / Сказать, что море, – брода нет (Тайа, тезе, ажыг чоқ полчаң полтур, / Талай, тезе, кежиге чоқ полчаң полтур)* – устойчивая поэтическая формула, обозначающая очень большую величину, в данном случае необъятные размеры врага Алтын Сырыка [Шорские героические сказания. – С. 446].

Интересен комментарий, обращающий внимание читателя на особый повествовательный прием, характерный для ненецкого фольклора:

15 – *Я взглянул на себя самого (Пыхыдахани сылав')* – как часто бывает в ненецком фольклоре, при изложении волнующих событий исполнитель переходит на рассказ от первого лица [Фольклор ненцев. – С. 430].

Четвертый тип комментария – **текстологический** – должен выявить и продемонстрировать связи данного текста с другими текстами той же или другой поэтической традиции. Это касается комментариев к устойчивым формулам и «общим местам» эпоса, к сюжетным типам сказок, к сопоставлению различных вариантов текста и т.д. Также в текстологический комментарий могут входить пояснения относительно вкраплений в текст элементов текста иной жанровой природы и попытки объяснения «темных мест».

Приведем пример текстологического комментария, иллюстрирующего знакомство шорцев с библейскими персонажами:

383 – *Совсем голый малыш в возрасте Адама (қывы чылаш, Адам чаштыг олаш)* – то есть только

что созданный. О том, что шорцам было известно имя Адама – первого человека, свидетельствуют письма Н.Ф. Катанова: «В молитвах каларских шаманов я встретил имена Адама и Евы в форме «Адам» и «Ымай»... Шаманы говорят, что о появлении на земле Адама и Евы они узнали от кузнецких татар»... [Шорские героические сказания. – С. 445].

Еще один пример текстологического комментария:

3954–3955 – ...*В пружинящую приземистую карету На восьми серебряных колесах...* – анализируемый текст носит бесспорные следы влияния поэтики богатырской сказки, внесшей в первоначальный рисунок эпического действия элементы занимательности и нарочитого преувеличения. Такое понятие, как «карета на серебряных колесах», несомненно, является в улигере поздним образованием, обусловленным воздействием русской городской культуры в XVII–XIX вв. [Бурятский героический эпос. – С. 300].

Приведем еще образец комментария к одной из эпических формул героического эпоса:

658–659 – *Вместо волос пушок еще у меня, Вместо суставов еще хрящики...* – эпическая формула, неоднократно встречаемая в эпическом тексте, выражает мысль о том, что герой еще малолетний, не окреп, не возмужал [Бурятский героический эпос. – С. 291].

Конечно, в силу того, что одно и то же место в тексте требует комментария с разных точек зрения, посвященная ему статья или глава должна **сочетать в себе комментарии нескольких типов**. «В целях удобства пользования следует соединять различные типы комментариев в один»²⁵.

Вот пример сочетания в одной статье комментария филологического пояснения (перевод сделан с отступлением от оригинала) и описания своеобразного элемента представления о мире:

1 – ...*горьководное море...* (...*итя цабтенья ям'...*) – море с «пахнущей» водой: так воспринимают ненцы моря Ледовитого океана [Фольклор ненцев. – С. 433].

В следующей статье мы видим соединение фольклористического и текстологического комментария:

– ...*на передний подол его стали наступать дети, задний подол его стал топтать скот...* (...*алын эдегине бала базыт, кийин эдегине мал базыт...*) – устойчивая поэтическая формула, выражающая благополучие в жизни героя; самостоятельно бытует как благопожелание в свадебном обряде [Алтайские народные сказки. – С. 421].

Пример сочетания фольклористического и этнографического комментария дает следующая статья:

2600 – ...*Книгу Майдари вынула (Майдари хиниг гаргаба)* – книга Майдари – буддийская книга,

сочинение которой бурятами-ламаистами приписывалось буддийскому пророку Майтрее. Привнесение такого названия в текст объясняется усилившимся во второй половине XIX и начале XX в. распространением буддизма-ламаизма по всей территории Восточной Бурятии и первыми попытками проникновения его в Западную Бурятию [Бурятский героический эпос. – С. 298].

Еще один пример представляет случай филолого-этнографического комментария:

498 – ...*В многолюдную губернию...* (...*Дүүрэн гэхү гүбэртүн...*) – термин «губерния», фигурирующий в тексте, как и другие реалии этого ряда, представляет, конечно, позднейшее привнесение. Использованные сказителем в описаниях элементы городской застройки и детали хозяйственного уклада и быта воссоздают исторический облик Иркутска с его крепостными сооружениями, укрепленными башнями, торговыми рядами и т.п., каким его видели буряты прошлых поколений. Удивительно не то, что русский сибирский городской мир и ландшафт стали принадлежностью бурятского улигера, а то, что картины этого мира, столь разительные по контрасту с исконным патриархальным бурятским бытом, предстают в естественном соединении с собственно бурятским скотоводческо-охотничьим образом жизни и хозяйственными постройками. Улигер свидетельствует о достаточно раннем и скором приобщении западных бурят к оседлым формам жизни [Бурятский героический эпос. – С. 290].

Любопытен пример комментария, в котором соединены три аспекта изучения текста – этнографический, филологический и фольклористический:

– *Разгневался Дьайаши...* (*Дайаши каны куркан...* – букв. «кровь создателя изжарилась») – фразеологизм, выражающий раздражение, гнев. Дьайаши – божество, творец всего живого на земле [Алтайские народные сказки. – С. 398].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кидайш-Покровская Н.В. Опыт перевода и комментирования эпических памятников в серии «Эпос народов СССР» (докл. на совещании авторских коллективов томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», Улан-Удэ, 7–11 июля 1986 г. // Методические указания по принципам научного перевода национальных фольклорных текстов на русский язык в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». – Улан-Удэ, 1986. – С. 1–18.

² Лихачев Д.С. Текстология. – Л., 1983. – С. 539.

³ Кальянов В.И. Послесловие // Махабхарата. Удьяогарва / Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. – Л., 1976. – С. 397. (Серия «Литературные памятники»)

⁴ Гацак В.М. Перевод как составная часть научной публикации фольклорных текстов в сибирской и дальневосточной Серии (на примере первых подготовленных томов) // Методические указания по принципам научного издания серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». – Улан-Удэ, 1986. – С. 17–18.

⁵ Лихачев Д.С. Текстология. – С. 539.

⁶ Там же. – С. 540.

⁷ Там же.

⁸ Основные принципы подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». – Улан-Удэ, 1982. – С. 5; Смирницкая О.А. Примечания // Древнеанглийская лирика / Перевод В.Г. Тихомирова. – М., 1982. – С. 238. (Серия «Литературные памятники»)

⁹ Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна» // Кудруна. Сост. и перевод Р.В. Френкель. – М., 1983. – С. 367. (Серия «Литературные памятники»)

¹⁰ Смирницкая О.А. Примечания... – С. 238.

¹¹ Гацак В.М. Перевод... – С. 16.

¹² Смирницкая О.А. Примечания... – С. 236.

¹³ Гацак В.М. Перевод... – С. 16.

¹⁴ Смирницкая О.А. Примечания... – С. 238.

¹⁵ Там же. – С. 238.

¹⁶ Гацак В.М. Перевод... – С. 16; Основные принципы... – С. 6.

¹⁷ Смирницкая О.А. «Комментарий учитывает... жанровое многообразие публикуемых памятников... Каждая группа стихов

потребовала своей преамбулы и своих, сообразующихся со спецификой жанра и степенью его известности читателю, принципов комментирования» (с. 238).

¹⁸ Основные принципы... – С. 5.

¹⁹ Основные принципы... – С. 5; см. также: Гацак В.М. Перевод... – С. 16.

²⁰ Эвенкийские героические сказания. Храбрый Содани-богатырь. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. – Новосибирск, 1990. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»).

²¹ Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык. – Новосибирск, 1998. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; т. 17).

²² Там же.

²³ Фольклор ненцев (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). – Новосибирск, 2001. – С. 434.

²⁴ Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. – Новосибирск, 1991. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; т. 23).

²⁵ Лихачев Д.С. Текстология. – С. 539.

*Институт филологии СО РАН,
Новосибирск*